

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА

Б. А. Рыбаков

В отличие от наций народности в очень малой степени изучены историками. А между тем изучение развития народностей представляет собой большой интерес для правильного понимания целого ряда вопросов.

Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» открыл новую эру в изучении проблем образования племён, народностей и наций.

Буржуазная наука подменяла проблему сложения русской народности вопросом о «происхождении Руси», противопоставляя русов славянам и стремясь изобразить русов пришельцами, завоевателями, творцами славянской государственности. Не углубляясь в необъятную историографию вопроса, насчитывающую уже тысячу лет, из которых двести лет занимает полемика антинорманистов с норманистами, мы должны поставить перед собой следующие задачи: во-первых, необходимо дать определение народности как формы общности людей, её признаков и места в ряду других общностей; во-вторых, нашей задачей является изучение территории русской народности и её исторических изменений (желательно применение ретроспективного метода); в-третьих, мы займёмся поисками того первичного ядра (союза племён), которое послужило основой народности, наиболее ранней формой её.

Лишь после решения этих трёх частей общей задачи можно будет перейти к последовательному изложению исторического развития древнерусской народности. В процессе этого изложения должен решиться и вопрос о «происхождении Руси».

Народность является исторически сложившейся общностью людей, предшествующей образованию нации. «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹.

И. В. Сталин, говоря о периоде, предшествующем образованию наций, писал: «...элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический»². Появление прочных и необходимых экономических связей, основанных на разделении труда между областями, и превращает народность (или народности) феодальной эпохи в нацию «эпохи поднимающегося капитализма».

Сходство нации и народности состоит в том, что обе эти общности людей складываются исторически. Причём нация является более устой-

¹ И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 296.

² И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

чивой, чем народность, так как возникает при наличии такого важного цементирующего признака, как общность экономики. Поэтому в судьбах наций мы почти не знаем примеров распада, кроме массовой эмиграции, или, наоборот, слияния нескольких наций воедино. Общим для нации и для народности является также и их отношение к государству и государственной территории: и нация и народность могут не совпадать с государством ни территориально, ни по языку. Это означает большую устойчивость их в сравнении с политическими образованиями.

Формирование нации и народности — очень длительный и более или менее стихийный процесс. Появление прочных государственных образований может частично повлиять на этот процесс. Отличие народности от нации заключается прежде всего в её меньшей устойчивости, вытекающей из условий экономической разобщённости докапиталистической эпохи.

Мы знаем множество примеров, во-первых, слияния нескольких народностей и племён в одну нацию (с победой одного языка над всеми другими), а во-вторых, расщепления единой народности на родственные нации. Подверженность народности историческим изменениям обнаруживается не только в конце её бытия, когда она (или часть её) превращается в нацию. На протяжении всей своей исторической жизни народность может изменяться как за счёт полной ассимиляции иноязычных соседей, так и путём распада её на части.

Место народности определено И. В. Сталиным в перечне этапов развития языка «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»⁴. Здесь народность поставлена после племени и перед нацией.

В конкретной исторической действительности историки не всегда умеют уловить переход от племён к народностям.

Не подлежит сомнению, что там, где сложились феодальные отношения, мы имеем дело уже с народностями. Так как мы знаем, что этническая общность людей не связана прямо и непосредственно с государством, а тем более с таким непрочным, как раннефеодальное государство, можно допустить, что народности начинают складываться до образования феодального государства, в период сложения племенных союзов.

Древние и средневековые государства, вроде империй Кира и Александра Великого или Цезаря и Карла Великого, представляли собой «временные и непрочные военно-административные объединения... Они представляли конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки». Эти племена и народности «имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»⁵.

Следовательно, народности существовали наряду с племенами ещё до образования раннерабовладельческих и раннефеодальных империй. Возможно, что одним из показателей еложившейся общности племён, образующих народность, является собирательное имя. Если группа родственных племён получает у р а з н ы х с о с е д е й одно и то же собирательное имя, то можно ставить вопрос о первичной фазе сложения народности. Недостаточно, если собирательное имя появляется только у одного из соседних народов. В таком случае зачастую имя одного ближайшего племени переносилось на значительную область, заселённую, быть может, даже не родственными племенами. Лишь в том случае, когда собирательное имя прослеживается у разноязычных и удалённых друг от друга соседей и отложилось в этнонимике пограничных племён этой группы, мы

⁴ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12. Госполитиздат. 1950.

⁵ Там же, стр. 12, 13.

можем говорить о зарождении народности. Так, например, имя венедов появляется в первые века н. э. у римских и греческих писателей как собирательное имя западных, восточных и южных славян. И почти по всем окраинам славянских земель это имя зафиксировано этнонимически: винды и венды в Полабье, вятичи на Оке, анты (из «венеты» — «в А ты») на Днестре, Днепре и на Боспоре. Эстонцы и финны до сих пор называют русских — «vāpā». В этом примере с венедом перед нами не случайное литературное упоминание, а традиционное употребление собирательного имени венедов на огромной территории от Эльбы до Оки и от Балтики до Чёрного моря народами, говорившими на различных языках.

Народности предшествует общность племён, обозначаемая таким условным термином, как «языковая семья». Семья племён с родственными языками не обязательно должна иметь общую сплошную территорию. Племена, относящиеся к одной семье, могут в очень незначительной степени ощущать своё языковое единство и быть мало связанными друг с другом.

Развитие производительных сил, усложнение социальной структуры, выделение и активизация дружин, развитие обмена, увеличение плотности населения — всё это приводило, во-первых, к распаду общины родовой и к замене её общиной территориальной, а во-вторых, к консолидации племён в союзы. Вот здесь-то и пригодилось древнее языковое родство: расширение связей каждого племени чаще шло в направлении соседних родственных племён, реже бывали случаи скрещивания племён разноязычных, приводившие к победе одного из языков. Время образования племенных союзов и было, очевидно, временем первоначального появления той общности, которую мы называем народностью.

Нельзя думать, что формирование русской народности началось лишь после того, как окончательно исчезли летописные «племена», т. е. в XI—XII веках. Летописные радимичи, древляне, кривичи и другие части восточного славянства не являлись племенами в нашем смысле слова⁶.

Достаточно сравнить русские данные с западнославянскими, чтобы убедиться в сложном составе русских «племён». Возьмём в качестве примера балтийских лютичей. Лютический племенной союз сложился, в условиях борьбы с соседями, из восьми племён. То были ране, хижане, чрезпеняне, моричане, доленчане, рытари, гаволяне и шпреване. Их размещение можно дать на карте. Из русских летописных «племён» возьмём радимичей, которые, судя по археологическим данным, занимали площадь, равновеликую земле лютичей. Летописец не знает никаких подразделений земли радимичей, но ряд археологических признаков (например, картографированные Г. Ф. Соловьёвой детали погребального обряда) позволяет выделить внутри радимичской территории около шести обособленных районов. Вероятно, они соответствовали более мелким племенам, образовавшим довольно устойчивый союз с ярко выраженными, общими для всего союза особенностями материальной культуры. Следовательно, образование племенных союзов происходило у восточных славян раньше, чем у балтийских, и летописец уже не знал первичных племён. К той эпохе, в которую он мог заглянуть, т. е.

⁶ Летописная терминология совершенно не совпадает с научной терминологией:

Летопись:		Современное значение:
«племя»	—	семья
«род»	—	первичное племя

Для обозначения союза племён летописного нарицательного термина не было и обычно употреблялось конкретное наименование такого союза.

в IX—X вв., вся русская земля была уже без остатка разделена между союзами племён.

Русский историк XII в. не рассказал нам всей предистории Киевской Руси и слишком нивелировал перечисленные им «племена». Среди летописных «племён» были и небольшие союзы, вроде радимичей, дреговичей, вятичей, древляни, словен, уличей, северян, были и огромные союзы, возникшие за несколько веков до летописца. К последним можно отнести племенной союз кривичей, объединявший, возможно, и славян и часть литовских племён, а также волынян и предположительно полян. Большие союзы могли распадаться, а общее племенное имя могло закрепиться за небольшой частью, ядром союза. Так было, по всей вероятности, с полянами и волынянами, о былом могуществе которых остались воспоминания, но слишком неясные для того, чтобы восстановить их полную историю.

Процесс создания племенных союзов и их постепенной консолидации, сопровождающийся распадом родовой общины, и есть процесс складывания народности.

Союз племён может получить своё имя от одного из племён, входящих в него (например, бодричи), или же может принять новое имя, обозначающее весь данный союз и имеющее нарицательное значение (например, лютичи). Название народности чаще всего восходит к названию первенствующего союза племён, а тем самым может восходить и к имени отдельного племени, если оно было ядром и гегемоном всего союза.

Общность племён, составлявших более или менее длительное время один союз, может сохраняться долго, проявляясь в этнографических особенностях и в употреблении одного диалекта. Имя племенного союза со временем может стать только географическим названием и перестанет сохраняться очень долго. Таковы, например, наименования северян и волынян, известные не только летописцу XII в., но и значительно позднее («Северская Украина» в XVII в., «Волинская губерния» в XX в.).

Перечисление летописцем XII в. в связи с событиями X в. восточнославянских племенных союзов не противоречит тому, что русская народность начала складываться задолго до X века. На каком-то отрезке времени формирование племенных союзов и формирование народности идут параллельно, являясь следствием одной и той же причины — распада первобытно-общинного строя в целом.

Будучи исторической категорией, народность, как и нация, подвержена историческим изменениям. В истории русской народности явно ощущаются следующие моменты: несомненно, русская народность уже существует в X—XI вв., обладая такими признаками, как единый язык при наличии диалектов, единая территория, единая культура и наличие экономических связей, допускаемых феодальным характером хозяйства. Единая государственная территория в X—XI вв. упрочила внутреннее единство народности, которое не распалось и в эпоху феодальной раздробленности. Лишь после монгольского завоевания и последующего политического разобщения отдельных частей Руси единая русская народность выделяет из своего состава украинскую и белорусскую народности. Во избежание путаницы русскую народность до XIV в. лучше называть древнерусской, подразумевая под этим термином предков русских, украинцев и белорусов, живших тогда единой исторической жизнью. Наименее ясен для нас процесс образования древнерусской народности.

Задачей данной статьи является попытка выяснения начального этапа сложения древнерусской народности, попытка определения того племенного союза, который стал ядром формировавшейся народности и дал

ей своё имя. Другими словами, задачей является попытка ответа на старый вопрос о происхождении Руси.

Ни один из вопросов образования древнерусской народности и древнерусского государства не может быть решён без рассмотрения того, что такое Русь, кто такие русы. Обширная и противоречивая историография этого вопроса знает около двух десятков различных ответов, взаимно исключающих друг друга⁷. Как известно, русов считали и варягами, и литовцами, и балтийскими славянами, и финнами, и восточными славянами, и среднеазиатскими аорсами, и, наконец, отчаявшись в их этническом определении, разноплеменной социальной группой.

Основная борьба в историографии Руси шла между норманистами и их противниками, принимая нередко ожесточённые формы. Это и не удивительно, так как от того или иного решения спора зависело установление местных или чуждых истоков Русского государства. После того как многие доводы норманистов были опровергнуты, норманнская теория осталась где-то на грани между консервативной учёностью и политическим памфлетом. Фашистские фальсификаторы истории в гитлеровской Германии, в США и в других империалистических странах сделали норманскую теорию своим знаменем, превратили легенду о призвании князей в символ всей русской истории. Примером тенденциозной фальсификации может служить книга Г. Вернадского «Ancient Russia», воскрешающая давно отвергнутые наукой норманистические заблуждения.

Длительность споров о происхождении Руси в известной мере объясняется противоречиями в источниках, обилием домыслов и догадок у самих древних авторов. В источниках мы найдём и прямые указания на то, что русы — варяги, и столь же прямые свидетельства их славянства. Русов то называют кочевниками (патриарх Фотий), то говорят о том, что кони их не могут носить (Захария). То русов называют племенами из славян (Ибн-Хордадбе), то обособливают их от славян и даже противопоставляют их славянам. Русская земля то расширяется до пределов всей Восточной Европы, то сужается до размеров маленького болотистого острова.

Из этого перечня противоречий нельзя выбрать какое-либо одно положение, нельзя и пытаться примирить противоположные утверждения при помощи компромиссов. Необходимо объяснить причины возникновения той или иной точки зрения в каждом источнике и рассматривать всю совокупность доступных нам сведений.

При многогранности задач и противоречивости источников необходимо синтез различных сведений и применение ретроспективного метода, обеспечивающего осторожное продвижение вглубь веков от известного к неизвестному.

С одной стороны, источники термином «Русская земля» обозначали всю совокупность восточнославянских земель в их этнографическом, языковом и политическом единстве, свидетельствуя о сложении древнерусской народности на огромном пространстве от Карпат до Дона и от Ладоги до «Русского моря». В этом смысле Русская земля противопоставлялась Польше, Чехии, Венгрии, половцам, Византии как в этническом, так и в государственном отношении.

В пору феодального дробления Руси, в XII—XIII вв., несмотря на существование нескольких десятков княжеств, единство русской народности очень хорошо осознавалось и находило отражение в терминологии — вся Русская земля противопоставлялась обособленным вотчинам

⁷ Историография вопроса о Руси заслуживает специального исследования. Принятая В. Мошиным в 1931 г. попытка дать историографический очерк далеко не исчерпывает всего материала. См. В. Мошин. Варяго-русский вопрос. «Slavia». Вып. XI. 1931.

враждовавших князей. Таково одно значение слов «Русь» и «Русская земля».

Наряду с ним в одних и тех же источниках встречается несравненно более узкое определение Руси: Киевская земля, Среднее Приднестровье. обстоятельный разбор выборочных летописных данных был произведён М. Н. Тихомировым⁸. Но выводы М. Н. Тихомирова и его предшественников были оспорены недавно Д. С. Лихачёвым в его комментариях к «Повести временных лет»⁹. Д. С. Лихачёв крайне неубедительно пишет о том, что «наиболее древним, основным значением «Русь» и «русский» является значение общее, обращенное ко всем русским землям и ко всему русскому народу в целом»¹⁰. Этот взгляд совершенно лишён исторического подхода к вопросу образования народности. Такие источники XII в., как, например, «Повесть временных лет», ретроспективно освещающие события X в., дают нам историю всей Русской земли и поэтому употребляют соответственный общий термин. Летописи XII в. полны географических определений для отдельных частных событий, происходивших в разных углах Руси, и если среди этих определений нам встречаются «кривичи», «русь», «радимичи», мы должны отнестись к ним не как к новшествам, а как к глубокой старине, дожившей до XII в. благодаря традиции, оказавшейся более сильной, чем действительные географические новшества — изменчивые очертания феодальных княжеств.

Последним по времени исследованием, посвящённым этому вопросу, является книга А. Н. Насонова¹¹. Автор очень интересно и обстоятельно разбирает вопрос о Руси в узком смысле слова. Будучи согласен с основной мыслью А. Н. Насонова, я несколько расхожусь с ним в географических деталях: в определении крайних западных и восточных рубежей и в датировке установления единства Русской земли на юге¹².

Важность темы и наличие разногласий вынуждают нас заняться более детальным рассмотрением этого вопроса вновь с исчерпывающим, а не выборочным изучением летописей.

Всем дошедшим до нас летописным сводам хорошо известно употребление слов «Русь», «Русская земля» в смысле всей совокупности восточных славян, единой русской народности, единого Русского государства. В «Повести временных лет» такое словопонимание даже преобладает, но это объясняется тем, что там описывается преимущественно период единства Руси.

Новгородская 1-я летопись знает оба значения, но иногда она причисляет Новгород к Руси, а иногда противопоставляет его Руси (Южной). Лаврентьевская летопись чаще всего отделяет Владимиро-Суздальскую землю от Руси в узком смысле. В Ипатьевской летописи, в летописании Мстислава Владимировича, Ольговичей и Ростиславичей одновременно существуют и риторическое понимание единства Руси («Володимёр... многа пота утер за землю Русскую») и конкретное представление о Руси как о южной части всего русского единства.

⁸ М. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография». Вып. VI—VII. М.-Л. 1947. Приведено семь примеров из разных летописей (стр. 61).

⁹ Повесть временных лет. Ч. II. Приложения, стр. 238—244. М.-Л. 1950.

¹⁰ Там же, стр. 241.

¹¹ А. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М. 1951.

¹² «...Русская земля сложилась в эпоху хазарского ига, слабевшего в течение IX в.» (там же, стр. 42). А. Н. Насонов в своей работе окончательно и правильно решает запутанный вопрос о сближении русов с варягами в русских и византийских источниках XI в., считая, что варяги прозвались русью, попав на юг, в Киевскую землю. Но иногда А. Н. Насонов излишне выдвигает на первое место хазар, полагая, что «Русская земля» — это те славянские племена, которые были подчинены хазарам (стр. 41).

Область древнерусской народности IX—XIII вв. может быть восстановлена по целому ряду разнородных источников, как письменных так и археологических, хотя летописцы XII в. и не оставили нам систематического описания её границ.

Во-первых, область Русской земли в широком смысле слова может быть получена как сумма племенных территорий всех восточнославянских племён, исходя из тезиса летописца, что «словенский язык и русский — одно есть...». Во-вторых, некоторое представление о границах Русской земли XI—XII вв. может дать карта русских городов, упоминаемых в летописях по тому или иному случаю¹³. Это не систематический перечень русских городов, и поэтому возможны пропуски, но в общих чертах карта летописных городов даёт нам представление о театре действий феодальной Руси.

Более или менее систематические сведения о нерусских народах, соседях и данниках Руси, содержит вводная часть «Повести временных лет»: «А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мръдва, перьмь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либ...»¹⁴. Если мы нанесём на карту все эти народы, то они обозначат западную, северную и восточную границы области Руси, совпадающие с пограничными русскими городами.

Точные географические данные о территории русской народности содержатся в поэтическом «Слове о погибели земли Русской»¹⁵. В ней Русская земля определяется по соседним народам, начиная от Венгрии и далее по часовой стрелке: «Отселе до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чаховъ до ятвязи и отъ ятвязи до литвы, до немецъ (тевтонский и ливонский ордена), от немецъ до корелы, отъ корелы до Устьяга, где тамо бяху тоимици погании и за дышючимъ моремъ, отъ моря до болгарь, отъ болгарь до буртась, отъ буртась до черемись, отъ черемись до морьдв». Упоминание о половцах, которые пугали своих детей грозным именем Мономаха, завершает описание соседней Руси на юге¹⁶.

Последним и наиболее систематическим источником, который нам следует привлечь, является Список русских городов, составленный около 1396 г., одновременно с другими географическими статьями, включённый в летопись под этим годом¹⁷. Список охватывает все русские города, независимо от их политической принадлежности. Во время феодальной раздробленности, когда вокруг Москвы была собрана лишь одна пятая часть древнерусских земель, появление такого списка, сознательно воскрешающего единство русской народности, было, несомненно, выражением передовой идеи.

¹³ См. Б. Рыбаков. Схематическая карта населённых пунктов домонгольской Руси. «История культуры древней Руси». Т. I. М. 1948.

¹⁴ Повесть временных лет, стр. 13.

¹⁵ См. Х. Лопарёв. «Слово о погибели Руския земли», вновь найденный памятник литературы XIII века. «Памятники древней письменности». Т. XXXIV. Вып. I. 1892. Уточнённую датировку «Слова» дал М. Н. Тихомиров в статье «Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли». «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР». Т. VIII, стр. 243—244. 1951. Местом написания М. Н. Тихомиров считает Новгород, а временем — 1225 год.

¹⁶ Далее в тексте добавлено, что во времена Владимира Мономаха, когда ещё немцы были за морем, ряд восточных племён борзничал на великого князя: буртасы, черемиса, вяда и морьдва. В комментариях к изданию «Слова» в хрестоматии Н. К. Гудзий считает «вяду» волью (Н. Гудзий. Хрестоматия по истории древнерусской литературы, стр. 154, примечание Г. М. 1952). М. Н. Тихомиров считает, что это «ватцкая морьдва» на р. Пьяне, известная по документам XVI века. Мне кажется, что речь здесь идёт не о маленькой группке «ватцкой морьдвы» и уж, конечно, не о прибалтийской вюды, а об удмуртах Вятской земли.

¹⁷ Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. VII, стр. 240—241. СПб. 1856; Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. XIII, стр. 163—164. СПб. 1911; Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XI. СПб. 1897. Под 1395 и 1396 гг. здесь помещены статьи «А се имена живущим около перми» и «А се имена тем землям и царствам, еже попленил Темиръ-Аксак», стр. 158, 159, 165, 248.

«А се имена градом всем Русским, далним и ближним»¹⁸. При нанесении этих русских городов на карту мы видим почти полное совпадение общих контуров Русской земли, какой она представлялась составителю списка XIV в., с Русской землёй, определённой нами по городам XI — начала XIII века.

Оба контура совпадают во всех основных частях и разнятся лишь в незначительных деталях. Не противоречат им и списки соседей Руси. Такое совпадение может говорить об устойчивости древнерусской народности, продолжавшей осознавать своё единство, несмотря на феодальную разобщённость сотен русских княжеств XIV века.

Границы Русской земли по этим данным совпадают в общих чертах с суммой всех племенных земель восточнославянских племён. Исключения таковы: во-первых, в состав русских земель включены области мери и веси за Волгой и на Белоозере; очевидно, здесь очень интенсивно проходил процесс обрусения этих племён; во-вторых, не включены закарпатские земли Белых Хорватов; в-третьих, низовья Дуная вплоть до Тырнова названы русскими. Это, очевидно, отражало давнее колониционное движение антов к Дунаю и на Балканы.

Появление в конце XIV в. точного обозначения всей Русской земли может свидетельствовать о том, что в эпоху Куликовской битвы единство древнерусской народности ещё существовало в тех же самых границах, что и во времена древнерусского государства.

В определении времени сложения древнерусской народности нам могут помочь такие археологические явления, как установление в IX—X вв. повсеместно курганного обряда погребения, распространение единообразной керамики, одинаковой «гривной утвари» и головных уборов при наличии местных вариаций. Всё это совпадало по времени с образованием единого языка (при наличии диалектов). Все аналогии археологическому материалу IX—X вв. направлены не в сторону иноязычных литовских и угрофинских племён, а в сторону родственных славян Центральной Европы.

Для определения пределов Русской земли в узком смысле, в смысле только Южной Руси, мы используем два метода: во-первых, метод исключения, т. е. перечислим те области, которые не входили в состав Южной Руси, а во-вторых, прямые указания летописи на принадлежность к собственно Руси¹⁹.

Русские области и города, не входившие в понятие «Русь» в узком смысле: Новгород Великий (поездки из Новгорода в Киев, Чернигов, Переяславль всегда рассматривались новгородским летописцем как поездки в Русь)²⁰, Владимир-на-Клязьме, Ростов, Суздаль, Рязань (горо-

¹⁸ Список содержит 350 городов. Составлен он был, возможно, по каким-то областным спискам 1380—1390-х годов, вероятно, церковного происхождения. Некоторые группы городов отражают пределы определённых княжеств. Так, например, «грады Киевские» отражают границы княжества Владимира Ольгердовича. Местом составления, возможно, был Киев, так как все города северо-востока названы «залесскими». Общий список мог быть сведён в канцелярии митрополита, например, Киприана, жившего подолгу в Киеве.

¹⁹ Все последующие ссылки на летописи сделаны по нижеперечисленным изданиям: Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб. 1897; Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. СПб. 1843; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950; Повесть временных лет. Указ. изд.

²⁰ Например: «В то же лето на зиму иде в Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи и заста княне с черниговци стояще противу себе...». Новгородская I летопись 1135 г., стр. 24; см. также под годами: 1132 г. (стр. 22), 1142 г. (стр. 26), 1146 г. (стр. 27), 1149 г. (стр. 28), 1156 г. (стр. 30), 1165 г. (стр. 32), 1167 г. (стр. 32), 1177 г. (стр. 35), 1179 г. (стр. 36), 1180 г. (стр. 36), 1181 г. (стр. 37), 1201 (стр. 45), 1211 г. (стр. 52), 1214 г. (стр. 53), 1215 г. (стр. 53), 1218 г. (стр. 58), 1221 г. (стр. 60), 1232 г. (стр. 71), 1257 г. (стр. 82).

да Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств исключались из понятия Руси в узком смысле)²¹, область вятичей (Неринск, Козельск?, Брянск?, Дедославль?) (во время похода Святослава Ольговича в 1147 г. на Давыдовичей к нему в Неринск приезжают разведчики из Руси, сообщая о делах в Чернигове и Стародубе); область вятичей по контексту летописи не включена в Русь, а противопоставлена ей²²; Смоленск (Изяслав Мстиславич Киевский и его брат Ростислав Мстиславич Смоленский обмениваются в Смоленске подарками: «Изяслав да дары Ростиславу что от Рускыи земле и от всих царьских земель, а Ростислав да дары Изяславу что от верхних земель и от Варяг». «...Приде ему Ростислав и с всеми рускыми полки и с смоленскими...»)²³, Полоцк (Мстислав Владимирович Киевский услад в Царьград двух полоцких княжичей за то, что «не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть в Рускую землю в помощь»)²⁴, Галич-на-Днестре (Юрий Долгорукий в 1152 г. идёт в Русь, «тогда же слышав Володимерко (князь Галицкий) идуча в Русь поиде к Киеву»²⁵, Владимир-Волынский (в описании похода Ольговичей на Владимир в 1144 г. противопоставляются волынские войска русским)²⁶, Вручий (Вруч был княжеским доменом Рюрика Ростиславича, и когда он уезжал из Киева в Овруч, летописец говорил об отъезде его из Руси)²⁷, Берлад (Андрей Боголюбский посылает сказать Давиду Ростиславичу Смоленскому: «а поиди в Берлад, а в Руськой земли не велю ти быти»). Уделом Давида в Руси был Вышгород²⁸.

В «Повести временных лет» мы также найдём несколько примеров географического ограничения понятия «Русь»: древляне (убив Игоря в 945 г., древляне говорят: «Се князя убихом рускаго; поимем жену его Вольгу за князь свой Мал...»)²⁹, радимичи (после победы воеводы Волчьего Хвоста над радимичами «темь и Русь корятыся радимичем...». Радимичи «платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне»)³⁰.

Особенно интересен список племён, принимавших участие в походе Игоря на Византию в 944 году. «Игорь же совокупив вой многи: Варяги, Русь, и Поляне, Словяни, и Кривичи, и Тьверьць, и Печенеги наа и тали у них поя...»³¹ Относительно отождествления Руси и Полян мы знаем из той же «Повести». Очевидно, остальные племена (словен,

²¹ Например: «В то же лето поиде Гюрги с сынами своими и с ростовцы и с суздальци и с рязанци и со князи рязаньскими в Русь...» Лаврентьевская летопись 1152 г. (стр. 320), см. также под годами: 1154 г. (стр. 324), 1154 г. (стр. 326), 1156 г. (стр. 329), 1175 г. (стр. 348), 1175 г. (стр. 352), 1175 г. (стр. 353), 1205 г. (стр. 399—400), 1207 г. (стр. 408), 1223 г. (стр. 424); Ипатьевская летопись под годами: 1154 г. (стр. 74), 1154 г. (стр. 77), 1174 г. (стр. 109), 1175 г. (стр. 116), 1175 г. (стр. 117), 1177 г. (стр. 119).

²² Ипатьевская летопись 1147 г. (стр. 30). Такое же противопоставление находим в Лаврентьевской летописи под 1154 г. (стр. 324), где упоминаются Вятичи и Козельск. Юрий Долгорукий, отправившись в Русь, не дошёл до неё и повернул обратно от земли Вятичей.

²³ Ипатьевская летопись 1148 г. (стр. 39 и 40). Кроме того, см. под 1155 г. (стр. 78) и под 1197 г. (стр. 151). В последнем случае говорится о том, что смоленский князь Давид Ростиславич «сына своего Константина в Русь посла, брату своему Рюрикови на руже». Рюрик в это время был князем в Киеве и в Киевской земле.

²⁴ Ипатьевская летопись 1140 г. (стр. 15).

²⁵ Лаврентьевская летопись 1152 г. (стр. 320), Ипатьевская летопись 1152 г. (стр. 66, 68, 69); см. также Повгородскую I летопись под 1145 г. (стр. 27), Лаврентьевскую летопись 1202 г. (стр. 396).

²⁶ Ипатьевская летопись 1144 г. (стр. 20).

²⁷ Ипатьевская летопись 1190 г. (стр. 140), 1193 г. (стр. 143).

²⁸ Ипатьевская летопись 1174 г. (стр. 108—109).

²⁹ Повесть временных лет 945 г. (стр. 40).

³⁰ Повесть временных лет 984 г. (стр. 59). Слова «и до сего дне» свидетельствуют о том, что и во времена Владимира Мономаха Русь можно было противопоставлять Радимичам.

³¹ Повесть временных лет 944 г. (стр. 33—34). Интересно, что в этом же отрывке несколько далее все эти дружины названы собирательно Русью.

кривичей и тиверцев) мы должны признать не входившими в X в. в состав собственно Руси, что вполне согласуется и с данными летописей XII в. (Новгород — не Русь, Смоленск — не Русь, Берлад — не Русь).

Подведём некоторые итоги тому разрозненному и случайному материалу, который изложен выше. В состав собственно Руси, Руси в узком (первоначальном?) смысле, не входили по этим неполным данным земли следующих племён и города. Племена: древляне, радимичи, вятичи, словене, кривичи, тиверцы, поляне?, варяги; города: Новгород, Смоленск, Владимир-на-Клязьме, Ростов, Суздаль, Рязань, Полоцк, Владимир-Волынский, Галич, Овруч, Неринск, Берлад.

Таким образом, для Руси остаётся Среднее Приднепровье с Киевом, Черниговом, Переяславлем и Северская земля, ни разу не противопоставленная Руси.

Обратимся теперь ко второй части затронутого вопроса — к сильному определению тех областей и городов, которые входили в X—XII вв. в ограниченное понимание географического определения Руси. Древнейший русский документ — отрывок договора Олега с греками 907 (911?) г. — так определяет основные города Руси: «Приходяще Русь да витают у святого Мамы, и послеть царство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть месячное свое: первое от города Киева и паки ис Чернигова и ис Переяслава, и прочие гради»³².

Принадлежность каждого из этих трёх городов к основному ядру Русской земли многократно подтверждена летописями. Относительно Киева и Киевщины у нас много данных; князья часто говорили: «пойди в Русскую землю Киеву»³³. Отнесение к Руси Переяслава подтверждено многократно: в 1132 г. «ходи Всеволод в Русь Переяславлю»³⁴. В летописании Переяслава Суздальского, сохранённом нам Лаврентьевской летописью, Переяславль южный восемь раз назван Русским (Русский Переяславль, Русский, Руский)³⁵. Принадлежность Чернигова к собственно Руси также подтверждена летописью и для XII—XIII веков³⁶.

Кроме того в состав собственно Руси входили, по летописным данным, и другие города, позволяющие хотя бы отчасти уточнить пределы основного ядра Русской земли. Это Белгород и Вышгород. В 1174 г., когда Андрей Боголюбский выгнал Ростиславичей из этих городов, то «пожалишаси велми Ростиславичи, оже их лишает Руськой земли»³⁷; далее — Торцкий, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев. В 1195 г. Всеволод Большой Гнездо тщетно просил у Рюрика Ростиславича эти города и жаловался: «а ныне сел еси в Киеве, а мне еси части не учинил в Руской земле»³⁸. В состав Руси входили и другие города по рекам Роси и Стугне: Канев, Дверен, Василев³⁹. К Русской земле относился и

³² Повесть временных лет 907 г. (стр. 25).

³³ Ипатьевская летопись 1146 г. (стр. 25); см. также 1141 г. (стр. 17), 1151 г. (стр. 58), Лаврентьевская летопись 1152 г. (стр. 320), 1154 г. (стр. 326), 1155 г. (стр. 329), 1156 г. (стр. 329), 1180 г. (стр. 368); Новгородская I летопись 1135 г. (стр. 24), 1146 г. (стр. 27), 1149 г. (стр. 28), 1156 г. (стр. 30), 1165 г. (стр. 32), 1167 г. (стр. 32), 1179 г. (стр. 36), 1180 г. (стр. 36), 1181 г. (стр. 37), 1201 г. (стр. 45), 1211 г. (стр. 52), 1215 г. (стр. 53), 1223 г. (стр. 60). Во всех упоминаниях церковных дел, когда епископы новгородские, смоленские или суздальские ехали «в Русь»; целью их поездок являлся митрополичий стол — Киев.

³⁴ Новгородская I летопись 1132 г. (стр. 22); см. также Лаврентьевскую летопись 1175 г. (стр. 352).

³⁵ Лаврентьевская летопись 1198 г. (стр. 393), 1199 г. (стр. 394), 1200 г. (стр. 395), 1213 г. (стр. 416), 1227 г. (стр. 427), 1228 г. (стр. 429), 1230 г. (стр. 432), 1239 г. (стр. 446).

³⁶ Новгородская I летопись 1135 г. (стр. 23, 24); Ипатьевская летопись 1147 г. (стр. 30); Лаврентьевская летопись 1207 г. (стр. 408).

³⁷ Ипатьевская летопись 1174 г. (стр. 108).

³⁸ Ипатьевская летопись 1195 г. (стр. 144—145).

³⁹ Лаврентьевская летопись 1195 г. (стр. 391); см. также Ипатьевская летопись 1151 г. (стр. 65).

Городец Остерский — форпост Мономашичей на Десне между Черниговом и Киевом. В 1195 г. Всеволод послал тиуна «в Русь и еозда град на Городци на Въстри, обнови свою отчину»⁴⁰. На Левобережье Днепра мы располагаем сведениями о нескольких городах, кроме Чернигова, Переяславля и Городца Остерского. В 1147 г., когда Святослав Ольгович стоял у Неринска, собираясь в поход на Давыдовичей, «в то же веремя прибегоша из Русы и децки и поведаша ему Володимера в Чернигове, а Изяслава у Стародубе»⁴¹.

К Руси в узком смысле может быть причислен и Трубчевск (когда трубчевский князь Святослав уезжал из Новгорода Великого обратно в свою землю, то летописец сказал: «вспятыся назад князь Святослав в Русь»⁴²), а также Глухов (в 1152 г. «Гюргеви же и идущю в Русь пришед ста у Глухова»⁴³). Если летописец употребил форму «пришед», то несомненно, что он считал Глухов находящимся в Руси. События 1139 г., когда только что вокняжившийся Всеволод Ольгович начал перебирать княжения, показывают, что в его руках находилась «вся Русская земля», в том числе и Курск, куда он выгонял Андрея Владимировича Переяславского⁴⁴.

Несколько особняком от «русских» городов стоят города Погорынья, относительно которых есть несколько свидетельств. В 1152 г. города верхнего течения Горыни — Бужеск, Шюмеск, Тихомль, Выгошев и Гнойница — названы дважды «русскими городами» в отличие от Галицкой земли и один раз названы «Русской земли волости»⁴⁵. Трудно сказать, следует ли их включать в состав собственно Руси или же они являлись каким-то примыслом «русских» князей и составляли крайнюю западную волость Русской земли.

Нам надлежит ещё разобрать сведения о «всей Русской земле» в понимании летописцев XII века. Очень часто словом «Русь» обозначаются южнорусские области вообще⁴⁶. Иногда летописцы говорят определеннее, включая в понятие «всей Русской земли» Киевщину и Левобережье или только Киевщину. Таково приведенное выше отождествление «всей Русской земли» с владениями Всеволода Ольговича в 1139—1140 гг., когда он стал киевским князем. Его владения простирались на восток до Курска. Под 1145 г. Новгородская летопись описывает поход на Галич: «ходиша вся Русска земля на Галиць... ходиша же и из Новагорода помочье княжом»⁴⁷. Ипатьевская летопись даёт нам список князей, участвовавших в этом походе. Из списка мы узнаём о районе мобилизации: Киев, Новгород-Северский, Чернигов⁴⁸.

В этом же значении Киевщины и Чернигово-Северщины термин «Русская земля» выступает и в событиях 1180 года. На Днепре близ Вышгорода охотились в ладьях князя с княгинями и дружиной. Святослав Всеволодич, правивший Киевом совместно с Рюриком Ростиславичем, задумав воспользоваться этой охотой для нанесения удара своим противникам: и «помысли во уме своемъ, яко Давыда иму, а Рюрика выжену на земле и прииму единъ власть Русскую и съ братьею и тогда мыщюся Всеволоду обиды свое»⁴⁹. Отсюда следует, во-первых, что Вла-

⁴⁰ Ипатьевская летопись 1192 г. (стр. 141), 1193 г. (стр. 143).

⁴¹ Ипатьевская летопись 1147 г. (стр. 30).

⁴² Новгородская I летопись 1232 г. (стр. 71 и 280).

⁴³ Лаврентьевская летопись 1152 г. (стр. 320).

⁴⁴ Лаврентьевская летопись 1139 г. (стр. 292); Ипатьевская летопись 1140 г. (стр. 16); Андрей говорит Всеволоду: «Оже ти брат(е) не досите волости, всю землю Рускую дръжачи».

⁴⁵ Ипатьевская летопись 1152 г. (стр. 68 и 69).

⁴⁶ Таковы упоминания в летописях: Ипатьевская летопись: 1140, 1141, 1144, 1148, 1149, 1150, 1152, 1154, 1155, 1174, 1175, 1177, 1180, 1187, 1190, 1195; Лаврентьевская летопись: 1139, 1204, 1205, 1249; Новгородская I летопись: 1142, 1218, 1257.

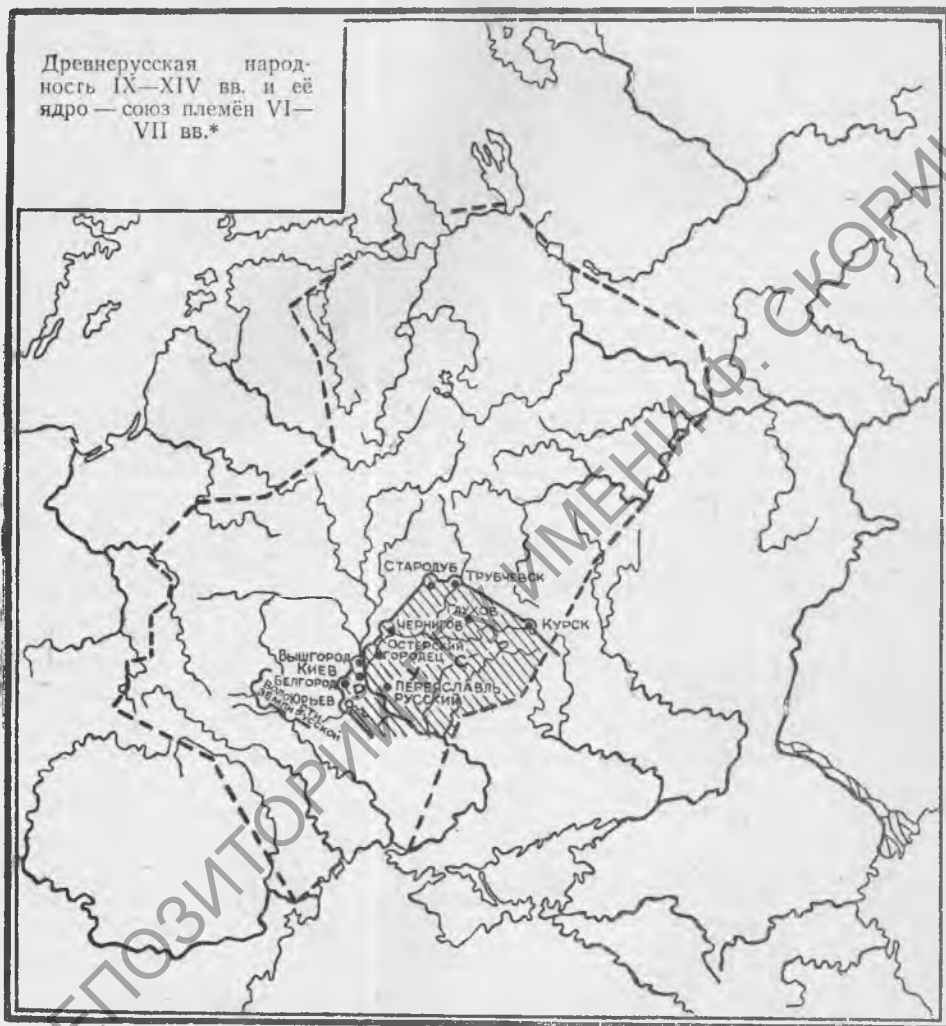
⁴⁷ Новгородская I летопись 1145 г. (стр. 27).

⁴⁸ Ипатьевская летопись 1146 г. (стр. 21—22).

⁴⁹ Ипатьевская летопись 1180 г. (стр. 122).

димиро-Суздальская земля Всеволода Юрьевича не входила в понятие Русской волости, а во-вторых, что в состав Русской волости входили: Киев, Вышгород, Белгород (где сидели Ростиславичи) и земли «братья» Святослава, т. е. Чернигов, Новгород-Северский, Курск, Трубчевск и другие города «Черниговской стороны».

Подведём некоторые итоги. В географическое понятие Русской земли, или «всей Русской земли», противопоставляемой Галичу, Суздалью, Смоленску и Новгороду, включались следующие города: Киев, Чернигов,

Переяславль Русский, Вышгород, Белгород, Василев, Треполь; города Поросья: Корсунь, Богуславль, Канев, Дверен, Торцький; «Русской земли волости» (города Погорынья): Бужеск, Шумеск, Тихомль, Выгошев, Гнойница; города «Черниговской стороны»: Стародуб, Трубчев, Глухов, Курск, Новгород-Северский.

Если мы нанесём на карту, во-первых, все области, поименованные в летописях не входящими в собственно Русь, а, во-вторых, области Руси, то увидим, что они не совпадают, не заходят одна за другую, а чётко разграничены, взаимно исключают друг друга. Это очень важно для под-

* Штриховка показывает территорию Руси — союза славянских племён в VI и VII вв.; пунктиром обозначена территория древнерусской народности в IX—XIV вв. (без юго-востока).

тверждения достоверности сведений, извлечённых из случайных упоминаний разных летописцев.

Итак, область собственно Руси наметилась. Это значительная область, покрывшая собой несколько древних летописных племён и много феодальных княжеств⁵⁰.

В то время, когда слово «Русь» употреблялось в качестве географического обозначения, на этой «русской земле» всегда существовало несколько враждовавших между собой княжеств: Киевское, Переяславская вотчина Юрьевичей, Чернигово-Северская вотчина Ольговичей и др. Поэтому возводить географическое понятие XII в. «русской земли» к какому-либо политическому единству этого времени никак нельзя. Это единство для времени Юрия Долгорукого и Святослава Всеволодича — лишь далёкая историческая традиция.

Прежде чем перейти к более ранним временам, когда это единство могло быть политической реальностью, сделаем ещё одну попытку ретроспективного использования данных XII века.

Внутри очерченной территории мы можем выделить ещё более узкую область — Русь внутри Руси. Так, в 1146 г. Святослав Ольгович, княживший в Новгороде-Северском, Путивле и Курске, приглашает Юрия Долгорукого: «а пойдй в Рускую землю Киеву а яз ти сде (в своем Северском княжестве) буду ти помощник»⁵¹. В 1189 г. Святослав Всеволодич даёт Галич своему сопернику-соправителю Рюрику Ростиславичу, а себе хочет «всей Руской земли около Киева»⁵². Такое же ограниченное понимание Русской земли сквозит и в ряде летописных определений политического союза Киевщины с Чёрными Клобуками. Так, в 1149 г. Ростислав Юрьевич говорит отцу: «слышалъ есмь, оже хочеть тебе вся Руская земля и Чернии Клобуки»⁵³. В 1154 г. это сочетание Руси и Чёрных Клобуков употребляется как застывшая формула: «и плакаса по немъ (по Изяславу Мстиславичу) вся Руская земля и вси Чернии Клобуци яко по цари и господине своемъ». «Кияне же вси изидоша съ радостью великою противу своему князю; и тако быша ему ради вси и вся Руская земля и вси Чернии Клобуци обрадовашася, оже Ростиславъ (Мстиславич) пришель въ Киевъ»⁵⁴.

Главная масса Чёрных Клобуков-Берендеев была расселена киевскими князьями в Поросье и на Правобережье Днепра. Они были размещены в качестве наёмной конницы чересполосно с русскими поселениями на южной окраине Киевской земли. Формула «вся Руская земля и вси Чернии Клобуци» предполагает ещё более узкое понимание Русской земли, чем установленное выше. Там, где применяется эта формула, под Русской землёй понимается сравнительно небольшой треугольник, вершиной которого был Киев, одной из сторон — Днепр от Киева до Канева, а основанием — бассейн Роси.

Черниговщина не входила в понимание этой Русской земли и Чёрных Клобуков, о чём можно судить по рассказу летописи 1161 года. Ростислав Мстиславич Киевский посылает к Святославу Ольговичу Черниговскому: «пусти ко мне деля Олга, ать познаеть кияны лещия и Берендиче и Торкы»⁵⁵. Все походы Чёрных Клобуков и Берендеев связаны

⁵⁰ Я несколько расхожусь с А. Н. Насоновым в определении границ собственно Руси: во-первых, не включаю в её состав погорыньские волости, а, во-вторых, считаю необходимым включить курское Посемье. (См. А. Насонов. Указ. соч. Карта «Русской земли IX в.».)

⁵¹ Ипатьевская летопись 1146 г. (стр. 25).

⁵² Ипатьевская летопись 1189 г. (стр. 138).

⁵³ Ипатьевская летопись 1149 г. (стр. 41). В 1152 г. Изяслав пошёл в поход, взяв с собой «вси Чернии Клобуки, и Кияне лутини всю русскую дружину» (стр. 66).

⁵⁴ Ипатьевская летопись 1154 г. (стр. 74 и 75). «Торкы и Кияне» упоминаются как основное войско князя Ростислава Мстиславича в 1154 г. (стр. 75). В 1174 г. Святослав Всеволодович, отправляясь в поход на Ростиславичей, «кыяны совокупивше и Берендичи и Поросье и всю Рускую землю» (стр. 109).

⁵⁵ Ипатьевская летопись 1161 г. (стр. 89).

с «киевской», «русской» стороной Днепра, как с отправной точкой. Чёрные Клобуки и Берендеи — всегда союзники или вассалы киевских князей, они «умирают за Русьскую землю и головы свои складывают», они постоянно служат киевским князьям в борьбе против половцев и в борьбе с левобережными Ольговичами. Отсюда мы должны сделать вывод о существовании в XII в. крайне ограниченного понимания «Русской земли».

Детальное рассмотрение противоречивых летописных определений Русской земли в XI—XII вв. привело нас к выводу о существовании трёх географических центров, одинаково называемых Русью, или Русской землёй: во-первых, Киев и Поросье; во-вторых, Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северская земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т. е. лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; в-третьих, все восточнославянские земли от Карпат до Дона и от Ладоги до степей и Чёрного (Русского) моря.

Возможно, что перечисленные области Руси являются историческими этапами развития русской народности от племени к союзу племён и от союза племён к народности.

Русская земля IX—XIV вв. в широком смысле слова — область древнерусской народности с единым языком и культурой и государственной границей. Это понятие для нас вполне ясно. Но что представляла собой Приднепровская Русь от Киева до Курска, Русь в узком смысле? Это не эфемерное понятие, промелькнувшее в каком-либо одном источнике. Это понятие устойчивое, прочное, хорошо известное всем без исключения русским летописцам, будь они киевлянами, владимирцами, галичанами или новгородцами. Понятием Руси (в смысле Приднепровской Руси) широко пользовались в качестве географического ориентира, считая, что новгородцам или суздальцам не нужно было никаких пояснений, если сказано: «идоша в Русь».

Область Приднепровской, Южной Руси включала в себя Киев с Поросьем на правом берегу Днепра и Десну с Посемьем на левом. Южная граница этой области для нас неудовима, так как в тех случаях, когда летописцы отмечали набеги половцев на «Русскую землю», то были набеги вообще на Русь и, в частности, на Южную Русь. Очевидно, южная граница проходила там, где фактически кончались русские поселения в степи. Южная Русь целиком была расположена в лесостепной полосе, не выходя за её пределы.

Очень важно отметить, что единство этой территории не находит себе соответствия в исторической действительности XI—XII веков. В ту пору, когда все летописцы согласно выделяли Южную Русь из других частей Руси, это обособление не было ничем обосновано. На обширной территории Южной Руси было несколько княжеств, принадлежавших постоянно враждовавшим между собой Юрьевичам, Ростиславичам, Давыдовичам и Ольговичам. Здесь выделились также и самостоятельные центры: Киев, Чернигов, Переяславль Русский, Новгород-Северский, Путивль, Курск. Все они имели свои династии князей, свои летописания, свою политику. В XI в. данная область также не представляла политического единства. Достаточно вспомнить события 1026 г., когда Ярослав и Мстислав «разделиста по Днепре Русьскую землю». Даже в летописных припоминаниях о племенах лесостепная полоса оказывается поделённой между племенами полян, северян и уличей. В археологическом материале X—XII вв. мы также не найдём единства лесостепной полосы. Здесь будут и погребения на горизонте, и одновременные им захоронения в глубоких ямах, и трупосожжения, и срубные гробницы. Инвентарь курганов также очень разнообразен.

Очевидно, для XI—XII вв. единство Южной Руси было только историческим воспоминанием, не находившим себе соответствия в политической и культурной обстановке того времени. Следовательно, для определения времени и условий сложения единства Южной Руси нам необходимо

перешагнуть через рубеж летописных и археологических данных X—XII вв. и отойти на несколько столетий вглубь.

Наиболее ранними памятниками, которые, бесспорно, можно связывать со славянами, являются поля погребений. Область Приднепровской Руси полностью вписывается в более широкую область полей погребений черняховского типа, составляя её юго-восточную часть. Выразительная и определённая черняховская культура II—V вв. по своему протяжению значительно шире, чем область Приднепровской Руси. Черняховская культура известна на Левобережье Днепра, на Руси и далее на запад — в Подолии и на Волини, смыкаясь с очень близкими одновременными ей культурами на территории Польши⁵⁶. Отдельные локальные особенности внутри области полей погребений наблюдаются, но черт различия между районами меньше, чем черт сходства. Область, очерченная нашими летописями XII в. как собственно Русь, не выделяется явно из общей области полей погребений. Следовательно, устойчивое обособление земли Приднепровской Руси, сохранившееся вплоть до XII в., не может восходить к эпохе полей погребений и должно было возникнуть позднее.

Действительно, если мы обратимся к более позднему времени — к V—VII вв., то здесь найдём в археологическом материале ярко выраженное единство интересующей нас области Приднепровской Руси. Это единство впервые было подмечено известным археологом-систематизатором А. А. Спицыным⁵⁷ и исторически истолковано им как «древности антов». При определении антской культуры А. А. Спицын исходил из того, что «раз анты были оседлым племенем, район их в этой местности (где-то за Азовским морем) определяется более или менее точно — в полосе лесостепи, на чернозёме». «Антскими будут те памятники древности VI—VII вв., которые встречены в их районе и имеют одинаковый характер»⁵⁸. А. А. Спицыным очень убедительно доказано единство области пальчатых фибул и верно установлена дата. В ряде своих работ я опирался на выводы, полученные А. А. Спицыным, и вслед за ним связывал эту область с антами⁵⁹.

В состав «антских» комплексов, встречаемых почти всегда в виде случайных находок, входят: пальчатые и зооморфные фибулы, поясные наборы из прорезных бляшек, височные кольца нескольких типов, различные украшения и оружие, множество серебряных вещей вкладах. Составленные карты убеждают нас в антской принадлежности этой культуры, так как область её распространения соответствует формуле Прокопия Кесарийского, помещавшего «бесчисленные племена антов» на север от Меотиды. Совпадает и хронология — «антские» комплексы VI в. одновременны походам антов на Византию, описанным Прокопием. Однако в такой постановке вопроса таятся некоторые противоречия.

⁵⁶ См. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО. Т. XII. Вып. 1—2. СПб. 1901; А. Спицын. Поля погребальных урн. «Советская археология», вып. X. М.-Л. 1948; сводка сделана А. А. Спицыным в 1930 г.; Е. Махно. Памятники культуры полей похорон черняхівського типу. «Археологія». Вып. IV. Київ. 1950; І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полей похорон на території Харківської області. — «Археологія», вып. II, Київ. 1948; М. Смішко. Доба полей похорон у західних областях УРСР (там же); М. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА. Вып. VI. М.-Л. 1941; П. Третьяков. Восточно-славянские племена. М.-Л. 1948 (карта на стр. 47); Ю. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племён. Автореферат диссертации. М. 1951.

⁵⁷ См. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского. Л. 1928.

⁵⁸ А. Спицын. Указ. соч.

⁵⁹ Б. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории» № 1, 1939 г., карта на стр. 320; его же. Поляне и северяне. «Советская этнография». Т. VI—VII. 1947, карта на стр. 100, рис. 8; его же. Ремесло древней Руси, карта на стр. 51, рис. 4. М. 1948. Точку зрения А. А. Спицына полностью поддерживает М. Ю. Брайчевский в статье «Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. — «Археологія». Т. V. Київ. 1950. В этой статье очень интересно прослежены связи «древности антов» с полями погребений (стр. 48).

Первое противоречие — хронологическое. «Древности антов» VI—VII вв. относятся к тому периоду их жизни, когда имя антов уже сходило со сцены (последнее упоминание 602 г.). Рассказ Иордана об антах IV в. не может быть сопоставлен с этими древностями. Второе противоречие — географическое. Область спицынских «древностей антов» занимает юго-восточный угол славянских земель и может соответствовать только определению антской территории у Прокопия Кесарийского — на север от Меотиды. Но, кроме Прокопия, есть данные Иордана о земле антов между Днестром и Днепром, а также данные лангобардской легенды, свидетельствующие о том, что лангобарды до 490 г. на своём пути от Эльбы в Моравию прошли край «Anthaib» (земля антов). Искать его нужно где-то в северной части Карпат, в земле восточнославянских племён белых хорватов и болынян. Ни на Днестре, ни тем более в Прикарпатье «древностей антов» нет. Это ставит под сомнение спицынское отождествление культуры пальчатых фибул с антами и ограничивает расселение антов только одной областью пальчатых фибул.

Географическое понятие об антах более широкое, чем область пальчатых фибул. Ареал пальчатых фибул VI в., как и область Приднепровской Руси, полностью вписывается в область антов, но он меньше этой области, покрывая лишь юго-восточную часть всей антской земли. И только в таком суженном смысле комплексы с пальчатыми фибулами могут быть названы антскими⁶⁰.

Какие же археологические памятники следует связывать с «бесчисленными племенами» антов? В 1943 г. я отказался от спицынского определения и предложил иное решение этого вопроса, связав с антами культуру полей погребений⁶¹. Обширная область полей погребений II—V вв. от Карпат до Северского Донца вполне соответствует данным письменных источников о расселении антов. Поэтому во избежание путаницы «древностями антов» следует называть не указанную А. А. Спицыным культуру VI—VII вв., а предшествующую ей культуру полей погребений, давно уже связываемую со славянами.

Область пальчатых фибул и других вещей V—VII вв., выделенных А. А. Спицыным, настолько полно совпадает с летописной Приднепровской Русью, что спицынские «древности антов» следует переименовать в «древности русов», признавая, что русы — часть антов. В общих чертах эту область можно обозначить как пересечение бассейнов Днепра и Северского Донца широкой полосой лесостепи. Где-то здесь, на юго-востоке славянского мира, искал русов и П. Н. Третьяков⁶². Киев, Переяславль, Чернигов, Стародуб, Курск, Оскол и всё Поросье попадают в эту область. Любопытно, что отдельные находки «древностей русов» VI—VII вв. есть и западнее основной области — в «волостях земли русской», в Мирополье на р. Случи.

Область «древностей русов» может быть подразделена по наличным материалам на два района, отвечающих размещению двух близких между собою племён. Они составили в V—VII вв. союз, владевший землями от Руси до Оскола, совместно оборонявшийся от кочевников и совершавший походы в степь. Эти два племени — русы и северяне. К ним, вероятно, несколько позже примкнули поляне, сохранившие ряд своеобразных черт материальной культуры. Русский племенной союз был, по всей вероятности, длительным и прочным, так как внутри его создалась своеобразная и устойчивая материальная культура, частично сохранённая и в XI—XII вв. в северянских височных кольцах.

⁶⁰ Городища роменского типа VIII—X вв., возникшие на антской земле, нельзя приводить в связь с антами в силу значительного хронологического разрыва.

⁶¹ См. Б. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. «Исторический журнал» № 11—12 за 1943 г., стр. 75, 76.

⁶² См. П. Третьяков. Анты и Русь. «Советская этнография» № 4 за 1947 год.

Крупные изменения, происходившие в славянском мире в V—VI вв. и отразившиеся в обособлении отдельных археологических областей, не прошли бесследно для современных исследователей. Старые племенные союзы распадались. В новых условиях возникали новые союзы. «Имя их (венедов), — пишет Иордан, — меняется теперь в зависимости от племени и мест».

Одной из обособившихся областей была юго-восточная часть венедского массива, юго-восточная часть культуры полей погребений. Это область пальчатых фибул, область «древностей русов», сохранившая до XII в. наименование Русской земли. В 550-е годы, когда Иордан писал об изменении имени венедов в зависимости от зарождения новых племенных образований, в восточной части Византийской империи безымянный автор-сириец впервые упомянул имя народа рос. В 555 г. сочинение Захарии Ритора было дополнено географическим очерком земель и народов, расположенных на север от Кавказа: «Базгун земля (Абхазия?) со своим языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в гунских пределах. За воротами живут булгары со своим языком; народ языческий и варварский (у них есть города) и аланы (у них пять городов). Из пределов Даду (Дагестан) живут в горах, у них есть крепости. Ауангур — народ, живущий в палатках, аугар, сабир, булгар, куртаргар, авар, хазар, дирмар, сиургур, баграсик, кулас, абдел, эфталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. Вглубь от них — народ амазраты и люди-псы; на запад и на север от них — амазонки. ...Соседний с ними народ «*hros*» (Рос или Рус) — люди, наделённые огромными членами тела; оружия нет у них и кони не могут их носить из-за их размеров. Дальше на восток у северных краев есть еще три черных (?) народа»⁶³.

Попытаемся разобраться в географических представлениях автора, впервые упомянувшего русов. Как и многие восточные географы, писавшие после него в IX и X вв., продолжатель Захарии Ритора довольно чётко представлял себе население степей. Это тринадцать племён, живущих в юртах. Но народы, жившие за пределами степей, приобретают у него легендарную окраску. Нам очень трудно правдоподобно разместить на карте земли амазратов (карликов?) и людей-псов. Под амазонками древние авторы часто подразумевали «женоуправляемых» сарматов и помещали их на Дону. Возможно, что в описываемое Псевдо-Захарией послегуннское время старое сармато-аланское население было частично оттеснено к северо-западному углу южнорусских степей. По археологическим данным можно говорить об оседании сарматов на южной границе лесостепи от Северского Донца и далее на запад к Нижнему Днепру. Судя по тому, что, кроме тринадцати тюркоязычных племён (авары, кутургур, хазары, болгары и др.), автор не упоминает никаких ираноязычных народов, можно думать, что ираноязычных кочевников он объединил под условным именем амазонок, живших на север и на запад от тринадцати племён; это исторически вполне достоверно для времени V — начала VI века.

Народ Рос, наделённый богатырским ростом, автор не смешивает с амазонками и не ставит в родство с ними, а только говорит об их соседстве. С какой стороны народ Рос примыкал к «амазонкам»? Юг и восток исключаются, так как текст прямо говорит о том, что соседями с этих сторон были кочевники, амазраты и люди-псы. Остаётся допустить, что русы были западными или северными соседями кочующих «амазонок». Народ «Рос» противопоставлен кочевникам почти так же, как у Тацита венеды

⁶³ См. Н. Пигулевская. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа «Вестник древней истории» № 1 за 1939 г., стр. 114—115; А. Дьяконов. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. «Вестник древней истории» № 4 за 1939 г., стр. 84—87.

противопоставлены сарматам. Отсутствие оружия у богатырей-русов следует понимать также, лишь сравнивая с кочевниками, живущими, по словам автора, постоянным разбоем. А. П. Дьяконов указывал, что сирийское начертание имени народа богатырей может быть прочтено с двоякой огласовкой: Рос и Рус.

Итак, географически область народа Рос должна соответствовать юго-восточной окраине антских племён, где древние веныды со времён Тацита смешивались с сарматами. Здесь, в лесостепной полосе, мы находим и «Русскую землю» наших летописей и культуру пальчатых фибул, которая может помочь в географическом приурочении народа рос-рус середины VI века.

Ретроспективный анализ, начатый нами рассмотрением историко-географических данных XIV, XIII и XII вв. и законченный разбором археологических и исторических материалов IV—V вв., привёл нас к следующему:

1. Понятие «Русская земля» у писателей XII—XIV вв. имело два основных значения: во-первых, этим обозначалась территория русской (точнее, древнерусской) народности или русского государства (для XI в.) Во-вторых, словами «Русская земля» обозначалась только юго-восточная часть русских земель, Приднепровская Русь, обнимавшая лесостепную полосу от Киева до Курска.

2. Второе, суженное представление только о лесостепной Руси употреблялось летописцами анахронистически как географическое определение. В X—XIII вв. оно совершенно не соответствовало политической реальности, так как на территории «Русской земли» в узком смысле слова существовало в XI—XIII вв. несколько враждовавших княжеств.

3. Археологический материал X—XIII вв. полностью подтверждает единство русской народности в географических рамках Русской земли в широком смысле слова. Но по отношению к лесостепной Приднепровской Руси археологический материал X—XIII вв. так же, как и данные политической географии того времени, не позволяет говорить о каком-либо выделении этой области из состава всех русских земель.

4. Установив несоответствие летописного понятия «Русская земля» в его узком значении исторической действительности X—XIII вв. и признав это понятие анахронизмом для летописной эпохи, мы предприняли поиски в предшествующих X в. эпохах археологических комплексов, ареал которых соответствовал бы области Приднепровской Руси. Оказалось, что только в VI—VII вв. область Русь (в узком смысле) представляла бесспорное единство, доказываемое многочисленными комплексами с пальчатыми фибулами. Ареал комплексов VI—VII вв., которые в 1928 г. были названы А. А. Спицыным «древностями антов», с поразительной точностью совпадает с областью Приднепровской Руси. Это позволяет, во-первых, назвать эти древности русскими, а во-вторых, приурочить выделение «Русской земли» (в узком смысле) как определённого исторического целого к VI—VII векам.

5. Время VI—VII вв., в отличие от предыдущей поры полей погребений, крайне бедно славянским археологическим материалом. Повсеместно, в том числе и в «Русской земле», пока ещё очень плохо изучены места поселений, так как очень мало погребальных комплексов. «Русская земля» VI—VII вв. из всех славянских земель наиболее богата археологическими находками. Здесь находили мужские поясные наборы с серебряными бляшками, предназначенные для ношения оружия, женские комплексы, богато представленные фибулами и височными кольцами разных типов. Несмотря на фрагментарность археологических данных, мы можем сделать ряд исторических выводов. Одним из важнейших выводов является тот, что женские украшения VI—VII вв. позволяют чётко разграничить «Русскую землю» на два изолированных района: восточный, связанный с племенем северян по р. Псла, Сейму и Донцу,

и западный, связанный с племенем собственно русов в бассейне р. Роси. Некоторые признаки позволяют выделить и полян вокруг Киева.

6. «Русская земля» VI—VII вв. составила только из тех земель, которые входили во II—V вв. в широкую область полей погребений. Следовательно, «древности русов» происходят с коренной славянской территории. Географически русская земля составляла юго-восточную часть области полей погребений, обращённую к сарматским степям. Дальнейшее изучение полей погребений должно поставить одной из своих задач выявление местных вариантов и проследить вглубь историю племён северян и собственно русов.

7. Археологические находки IV—V вв. в юго-восточной части области полей погребений свидетельствуют о походах русов и северян на юг, в Причерноморье, откуда были вывезены вещи боспорского и византийского изготовления. О прочих связях с югом говорит и самый характер русских вещей VI—VII вв., являющихся приднепровским вариантом причерноморских изделий V в., широко распространившихся в Европе в связи с «великим переселением народов». Связи славян с Причерноморьем могли существовать и в более раннее время. Дальнейшему изучению должны быть подвергнуты русские знаки собственности, известные нам как из бассейна р. Роси, так и из Причерноморья.

8. Ряд древностей «Русской земли» VI—VII вв. как в северском, так и в собственно русском районах генетически связан с более поздними курганными материалами IX—XII вв. (северянские височные кольца), а также находит прямые аналогии в русском, украинском и белорусском этнографическом материале XVIII—XIX веков. Укажем, например, детали кокошника («уши») из каздов в бассейне р. Роси, имеющие аналогии в русских северных кокошниках, и характер мужской одежды VI в., полностью совпадающий с этнографической одеждой этих же мест (рубаха с вышитой грудью, вправлена в порты).

Таковы основные выводы нашего ретроспективного изучения проблемы происхождения Руси. Из изложенного ясно, что происхождение Руси — вопрос, совершенно не связанный с норманнами — варягами, а уходящий на несколько столетий вглубь веков от первого появления варягов. Продвигаясь от более известного (более позднего) к менее известному, мы добрались уже до IV века. Быть может, дальнейшие исследования позволят углубиться ещё далее.

В заключение необходимо кратко изложить вопрос о происхождении Руси и образовании русской народности в исторической последовательности событий и явлений. Труды товарища Сталина ясно показали основные этапы развития общности людей, этапы развития языков: род — племя — народность — нация⁶⁴.

О Руси-племени можно сказать следующее. Применительно к русской народности мы не можем пока ещё ставить вопрос о выявлении в доисторическом прошлом родовых групп. Да и сама проблема происхождения Руси едва ли восходит к доплеменному времени. Но конкретное славянское (антское) племя Русь мы предположительно можем уже нащупать.

Напомню, что южнорусские летописцы XII в., употребляя понятие «Русская земля» и в широком и в узком его значениях, иногда сужали его ещё больше и тогда под словами «вся Русская земля» подразумевали только Киев, Поросье и незначительную часть Левобережья. Именно здесь в IV—VII вв. можно проследить в археологическом материале известные своеобразие: двуглавые — антропоморфные и зооморфные фибулы (существующие с более широко распространёнными пальчатыми

⁶⁴ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

фибулами), «уши» головных уборов, огромные спиральные височные кольца и устойчивый тип знаков собственности на поясах.

При нанесении всех этих данных на карту мы получаем небольшую территорию протяжением 150×100 км по берегам Роси, её притока Росавы, по Днепру (от Треполя до «Русской Поляны», близ устья Тясмина) и отчасти по реке Суле. Это южная окраина лесостепной полосы. В эпоху полей погребений черняховского типа (II—V вв. н. э.) на территории русов было много поселений и кладбищ. Поля погребений встречаются и южнее русов — в Днепровской Луке, где их предположительно можно связывать с улицами. Наиболее богатые клады вещей V—VI вв. зарыты близ низовьев Роси. Возможно, что именно здесь и находился центр племени росов — русов. В устье реки Роси, по всей вероятности, на месте знаменитого городища «Княжья Гора», находился древний город Родня (Родня), известный по летописному рассказу о борьбе Ярополка и Владимира Святославичей в 980 году. Город Родня был хорошо известен на Руси, так как по поводу осады 980 г. целую сотню лет продержалась поговорка: «Беда аки в Родне». Не стоит ли название города Родни в связи с загадочным наименованием русов: «Роди же нарицаемии руси...»? ⁶⁵ Крупным центром росов — русов было также Пастерское городище, расположенное на юге их земли.

Древнейшей формой наименования племени следует считать «рос», засвидетельствованную Иорданом и продолжателем Захарии Ритора. В таком случае река Рось носила племенное имя, но возможно также, что племя получило имя по реке, как, например, пояснял летописец наименование полочан — «речки ради Полоти...». Позднее, к IX—X вв., утвердилась форма «рус» так же, как имя антского вождя Боза (Иордан) превратилось позднее в Буса («Слово о полку Игореве»).

Будучи расположено на юге славянского мира, племя росов не могло остаться в стороне от общего для всех народов той эпохи стремления к богатым южным городам. Находясь на Днепре — магистральной дороге к Чёрному морю, — это племя легче многих других антских племён могло постоянно выделять дружины для участия в походах против городов рабовладельческого Рима.

Исходя из условий времени, можно допустить, что в III—V вв. часть русских дружин более или менее длительно проживала на юге среди дружин сармато-аланских и готских, приобретая некоторые черты сармато-аланской материальной культуры. Возможно, что следами пребывания росов на юге являются те из «загадочных знаков Причерноморья», которые идентичны знакам, встреченным на р. Роси. «Росомоны» («народ-рос») Иордана обитали, очевидно, на юге, в непосредственной близости от ставки готского князя Германариха. Это несколько не противоречит тому, что основной массив племени находился на Среднем Днепре: во-первых, расстояние от земли росов до устья Днепра равнялось всего 5 дням конного пути, а, во-вторых, мы знаем ряд примеров расщепления племён в процессе устремления на юг: северяне на Десне и северяне на Нижнем Дунае, ободриты у Балтийского моря и ободриты на Среднем Дунае и др. ⁶⁶

Приблизительно ко времени Буса и Германариха относится целый ряд отдельных вещей и погребений в Среднем Приднепровье с характерными богатыми вещами IV—V вв. южного боспорского происхождения.

⁶⁵ ПСРЛ, т. IX, стр. 13. Никоновская летопись сохранила очень древний вариант сказания (IX—X вв.) о походе Руси на Царьград в 860 г., в котором и встречено это интересное наименование русов «родами».

⁶⁶ Рассказ Иордана о росомонах представляет большой интерес. Из него мы узнаём, что какой-то знатный рос был союзником или подчинённым Германариха и вышел из повиновения. Тогда готский князь приказал разорвать конями жену этого роса Сунильду, после чего братья Сунильды (тоже росомоны) в порядке кровной мести убили самого Германариха. Это могло произойти при том условии, что росомоны были не покорённым племенем, а равноправными союзниками.

Это — ещё одно свидетельство связей росов и их соседей с югом. В местных русских изделиях IV—VI вв. чувствуются своеобразный стиль, обилие тератологической тематики и постоянное присутствие той композиции, которая удержалась в русской вышивке вплоть до XIX в., — человеческая фигура между двумя конями⁶⁷. Племя росов в IV—V вв. рисуется нам как одно из сильных антских (восточнославянских) племён, более и ранее других связанных с Причерноморьем. «Росомоны» — русские дружинники на юге, которым приходилось то вступать в союз с готским князем, то враждовать с готами.

Русь — союз племён — вырисовывается более чётко. Во II—V вв., в эпоху полей погребений черняховского типа, можно допустить существование среди венедекско-антских племён обширного племенного союза полян, охватывавшего область от Днестра до Вислы и созданного, вероятно, для борьбы с Римом. Этот предполагаемый союз племён мог послужить ядром славянской народности, но изменившиеся исторические обстоятельства привели к распаду этого союза и к оформлению новых племенных союзов. Борьба с гуннами и аварами на всей южной границе славянства, а также начавшиеся в VI в. громкие походы и передвижения славян вглубь Византии перекроили группировки славянских племён. В VI в. юго-западные антские племена были объединены в союз воляний, а на юго-востоке, где приходилось прежде всего встречать идущие из степей опасности, сложился союз племён, получивший имя Руси. Имя это удержалось за этой территорией в течение шести столетий.

В состав русского племенного союза, несомненно, входили сами русы (росы) и северяне (север), составившие основное ядро союза. Эти два племени жили общей жизнью, судя по археологическим данным, не менее двух столетий — VI и VII. Возможно, что несколько позднее в русский союз вошли и киевские поляне («поляне, яже ныне зовомая Русь») и днепровские уличи, если их можно отождествлять с русским племёнцем «луджага», упоминаемым Масуди. Кроме этих славянских племён, в состав Руси могли входить и ассимилированные славянами сарматские поселенцы в лесостепи.

У большинства древних авторов восточнославянские племена в VI в. выступают ещё под именем антов (диалектная форма от «венеты», «в А ты»). Авторы говорят о начавшемся распадении славян и о появлении новых названий, но имя народа Рос, народа богатырей, дошло до нас только в одном источнике VI века.

В VII в. имя русов окончательно вытесняет устаревшее наименование антов. Русский племенной союз VI—VII вв. успешно вёл борьбу с аварами, болгарами и хазарами. Нам совершенно неизвестны древности кочевников внутри лесостепной полосы. Это свидетельствует о том, что русские дружинники не впустили степняков в свои земли.

Русь была очень активной и вне своей земли. Едва ли можно сомневаться в том, что русские племена, скрытые общим собирательным именем антов, приняли участие в завоевании Византии. Русское племя северян проникло в низовья Дуная. Возможно, что «грады русские по Дунаю», известные нам по записям XIV в., восходят к тому русскому населению, которое появилось здесь в VI веке. С движением русов на юго-запад, может быть, нужно связывать и болгарский город Русе на Дунае и Руску Пояну в южной части Карпат. Грузинский автор Георгий Мтацминдели пишет о том, что русы в 626 г. осадили Константинополь. Одновременно с этим, как бы предвосхищая будущие походы киевских князей на юго-восток, русы VII в. устремляются и к Каспийскому морю. Так, в 643 г. правитель Дербента ставит себе в заслугу то, что он удерживает натиск воинственных русов. Предположительно с продвижением

⁶⁷ См. Б. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. «Советская этнография» № 1 за 1949 год.

русов на юго-восток можно связывать известный Борисовский могильник VII в. близ Геленджика. Русский племенной союз на протяжении VI—VII вв. подготавливал объединение ряда племён Восточной Европы. Отдельные находки русских вещей мы знаем на Волыни, где в XII в. упоминаются «волости земли русской». Русскую тамгу V—VI вв. находим на Оке (Мошинский клад), типичные русские вещи проникают с одной стороны в Крым (Суук-Су), а с другой стороны на Оку, в мордовско-муромские земли. Можно думать, что на Оку проникли не только русские вещи, но и русские люди, так как находки русских древностей сделаны именно там, где позднее возникли русские города Рязань и Муром (Борковский и Подболотьевский могильники). Рязано-муромские земли находились на другом конце лесостепной полосы и имели удобное сообщение по степям с областью Руси. Не с этого ли времени началось освоение русами бассейна Нижней Оки? В далёкое, долетописное время русы проникли, очевидно, и в бассейн Ильменя, где известен город Старая Руса, считавшийся в дворянско-буржуазной науке местом образования Руси.

Русский племенной союз был длительным и прочным образованием, создавшим свою общую культуру на пространстве от Киева до Воронежа, выполнявшим важные функции — обороны от кочевников и первичного собирания восточнославянских племён. Прочность союза русов и северян явствует уже из того, что их общая территория, объединённая в VI в., удержалась в народной памяти до XII века. До тех пор, пока русский союз племён не охватил всех восточнославянских племён, у иноземцев, писавших о Восточной Европе, иногда появлялось противопоставление руси славянам в этническом смысле. С русами VII—VIII вв. мы можем связывать ряд погребений (трупосожжений) с великолепным набором конского снаряжения и оружия (Вознесенское, Тополи, Ново-Покровка и др.). Это были те русы, о которых восточные авторы говорили, что «они воюют со всеми окрестными племенами и одерживают верх».

Наконец, сведения о руси-народности можно изложить таким образом. Русский союз племён, включавший антские племена русов и северян (а впоследствии, может быть, полян и уличей), был, как мы видели, устойчив и активен. «Союз родственных племён, оказавшийся в силу тех или иных исторических условий прочным и долговечным, неизбежно уже через одно—два столетия превращается в народность»⁶⁸. Соглашаясь с этим тезисом, мы должны признать, что в географических рамках Русской земли (в узком смысле — от Киева до Курска) в VI—VII вв. уже складывалась русская народность, обособлявшаяся от остальных славянских племён. Однако почти одновременно с обособлением зарождавшейся русской народности происходило вовлечение всё новых и новых восточнославянских племён в орбиту русского племенного союза.

Нам совершенно не ясно процесс объединения племён и племенных союзов вокруг Руси в VII—VIII вв., мы знаем лишь конечный результат — сложение в IX—X вв. единой культуры, единого языка, единой государственной территории. Но ясно, что этот процесс шёл весьма интенсивно и повсеместно. Поэтому едва ли целесообразно называть русский племенной союз народностью; это — ядро складывавшейся древнерусской народности, объединившей все восточнославянские племена и ассимилировавшей ряд иноязычных племён.

Сложение племенного союза было последним шагом по пути к образованию народности. К IX в. понятие Русской земли в третий раз расширилось — теперь Русской землёй стали называть земли всех восточносла-

⁶⁸ Б. Горнунг, В. Левин, В. Сидоров. Проблема образования и развития языковых семей. «Вопросы языкознания» № 1 за 1952 г., стр. 50.

вянских племён, скреплённые в рамках древнерусского государства. В эту пору сложилась древнерусская народность, включавшая в себя предков русских, украинцев и белорусов, с единым языком и единой культурой. Областные различия в культуре и в языке, несомненно, существовали.

Очень важно отметить, что указанные И. В. Сталиным главные диалекты русского и украинского языков (курско-орловский и полтавско-киевский) территориально совпадают с древней Русью VI—VII вв., с русским племенным союзом, предшествовавшим образованию древнерусского государства IX века. Это совпадение представляет большой интерес и потребует дальнейших исследований, так как между временем существования русского племенного союза и временем обособления диалектов лежит несколько веков.

Установление времени и места русского племенного союза позволит нам точнее решить ряд важных вопросов истории древнерусского государства IX—X веков. Таков, например, вопрос о «трех центрах Руси» — Куявии, Славии и Артании, которые, очевидно, следует искать в границах лесостепной Руси (может быть, Киев, Переяславль, Чернигов).

Легко решается вопрос о причинах противопоставления русов славянам: «русы» — это славянские племена — участники определённой федерации, тесно связанные со степным юго-востоком, а «славяне» — это остальные соседние славянские племена, в эту федерацию не вошедшие.

Археологические материалы позволяют восполнить недостаток письменных памятников и проследить постепенное разрастание небольшого племени русов (на р. Роси) в русский племенной союз, объединивший в VI в. целый ряд лесостепных античных племён, и превращение группы племён в народность, а союза племён — в крупнейшее в Европе государство.

На этот исторический путь от племени к народности потребовалось около шести столетий. А для того, чтобы древнерусская народность превратилась в русскую, украинскую, белорусскую нации, потребовалась ещё почти тысяча лет.